

ЛИ ЧАЙЛД

ЛИ ЧАЙЛД

Джек Ричер,
и
Враг

МОСКВА
2016

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ч-12

Lee Child
THE ENEMY

Copyright © 2004 by Lee Child.
This edition published by arrangement with Darley Anderson Literary,
TV & Film Agency and The Van Lear Agency

Разработка серии *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Чайлд, Ли.

Ч-12 Джек Ричер, или Враг / Ли Чайлд ; [пер. с англ. В. А. Гольдича, И. А. Оганесовой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 544 с. — (Кинопремьера мирового масштаба).

ISBN 978-5-699-89329-4

Канун 1990 года. Военного полицейского Джека Ричера неожиданно переводят из Панамы, где он участвовал в операции по поимке диктатора Норвеги, в тишину кабинета американской военной базы в Северной Каролине. Ричер откровенно мается от безделья, пока в новогоднюю ночь ему не поступает сообщение, что в местном мотеле найден мертвый генерал. Смерть от сердечного приступа помешала ему исполнить какую-то сверхсекретную миссию. Когда Ричер прибывает в дом генерала, чтобы сообщить его жене о трагедии, он обнаруживает, что женщина убита. Портфель генерала исчез, и Ричер подозревает, что именно содержащиеся в нем бумаги стали причиной убийства.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Гольдич В.А., Оганесова И.А.,
перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-89329-4

Глава

01

«Неужели сердечный приступ?» Возможно, именно такой была последняя мысль Кена Крамера, возникшая у него в голове ослепительной вспышкой страха, когда он перестал дышать и упал в пропасть. Он знал, что нарушил все правила. Ему не следовало находиться здесь с этим человеком, да еще имея при себе вещь, которую он должен был спрятать в более надежном месте. Но Крамер пренебрег этими правилами. Он решил сыграть и выигрывать. Он лидировал в игре. Наверное, он улыбался — до того самого мгновения, пока его не предал внезапный глухой удар в груди. И тогда ситуация повернулась на сто восемьдесят градусов. Успех превратился в катастрофу. И у него не осталось времени что-нибудь исправить.

Никто не знает, что чувствует человек, когда его настигает смертельный сердечный приступ. Нет выживших, которые могли бы рассказать нам об этом. Врачи говорят о некрозе, тромбах, кислородном голодании и закупорке кровеносных сосудов. Они предсказывают учащенное сердцебиение. Они используют термины вроде «инфаркт» или «фибрилляция», но эти слова не имеют для нас никакого значения. «Ты просто падаешь замертво», — следовало бы им сказать. Кен Крамер так и

сделал. Он упал замертво и унес с собой все свои тайны, а проблемы, которые он оставил после себя, чуть не прикончили за компанию и меня.

Я сидел один в чужом кабинете, временно занятом мною. На стене висели часы без секундной стрелки — только часовая и минутная. Часы были электрическими и не тикали. Они хранили молчание, как и сама комната. Я внимательно следил за минутной стрелкой. Она не двигалась.

Я ждал.

Стрелка пошевелилась, перепрыгнув вперед на шесть градусов. Ее движения были механическими, затухающими, точными. Она дернулась разок, дрогнула и замерла.

Минута.

Одна прошла, другая началась.

Еще шестьдесят секунд.

Я продолжал следить за часами. Они долго, очень долго оставались в неподвижности. Затем стрелка дернулась еще раз. Новые шестьдесят градусов, новая минута, ровно полночь, и 1989 год превратился в 1990-й.

Я отодвинул стул и поднялся из-за стола. Зазвонил телефон, и я подумал, что кто-то решил поздравить меня с Новым годом. Но оказалось, что я ошибся. Звонил гражданский коп, чтобы сообщить, что в мотеле в тридцати милях от базы обнаружено тело военного.

— Мне нужен дежурный офицер военной полиции.

Я снова сел за стол и сказал:

— Это я.

— У нас один из ваших, мертвый.

— Один из моих?

— Военный, — пояснил он.

— Где?

— В мотеле, в городе.

— Как он умер? — поинтересовался я.

— Скорее всего, сердечный приступ, — ответил коп.

Я перевернул страницу настольного календаря с 31 декабря на 1 января и только после этого спросил:

— Что-нибудь подозрительное?

— Мы ничего такого не заметили.

— А раньше вы видели сердечные приступы?

— Сколько угодно.

— Ладно, — сказал я. — Позвоните на пост в штабе, — и назвал номер телефона. — С Новым годом.

— Разве вам не нужно сюда приехать?

— Нет, — ответил я и положил трубку.

Мне не нужно было туда ехать. Армия — большая организация, чуть больше Детройта и чуть меньше Далласа, и такая же несентиментальная, как оба этих города. В настоящий момент в ней насчитывалось около девяти сот тридцати тысяч мужчин и женщин, представлявших все слои населения страны. Уровень смертности в Америке составляет примерно восемьсот шестьдесят пять человек на каждые сто тысяч, и в отсутствие продолжительных военных действий солдаты умирают не чаще и не реже обычных людей. В целом они моложе и здоровее, чем остальное население, но они больше курят и пьют, хуже питаются, переживают сильные стрессы, и им приходится делать разные опасные вещи во время учений. Так что уровень смертности в армии примерно такой же, как среди гражданских лиц. Иными словами, они умирают, как все. Произведите вычисления, сравните процент смертности и состояние здоровья, — и вы получите двадцать два мертвых солдата в день: несчастные случаи, самоубийства, сердечные приступы, рак, инсульт, болезни легких, печени и почек. Результат такой же, как

в Детройте или Далласе. Вот почему мне не нужно было туда ехать. Я не коп и не гробовщик.

Часы ожили. Стрелка дернулась, подпрыгнула и успокоилась. Снова зазвонил телефон. Кто-то захотел поздравить меня с Новым годом. Сержант из приемной перед моим кабинетом.

— С Новым годом, — сказала она мне.

— И вас тоже, — ответил я. — Вы что, не могли просто встать и просунуть голову в дверь?

— А вы не могли сделать то же самое?

— Я разговаривал по телефону.

— Кто звонил?

— Никто, — ответил я. — Какой-то тип не дожид до Нового года.

— Кофе хотите?

— Конечно, — ответил я. — Почему бы и нет?

Я снова положил трубку. К этому моменту я прослужил больше шести лет, и армейский кофе был одной из тех вещей, которые доставляли мне настоящее удовольствие. Без всяких вопросов он лучший в мире. А еще сержанты. Эта сержант родилась в горах в Северной Джорджии. Я познакомился с ней два дня назад. Она жила за пределами гарнизона на стоянке трейлеров, где-то среди холмов Северной Каролины. У нее был маленький сын. Она рассказала мне о нем, но о ее муже я не услышал ни слова. Она вся состояла из кожи и сухожилий и была жесткой, как клюв дятла, но я ей нравился. Я точно знаю, потому что она принесла мне кофе. Если ты кому-то не нравишься, он не станет носить тебе кофе. Вместо этого он с удовольствием вонзит тебе нож в спину. Дверь открылась, и сержант вошла с двумя кружками в руках — для меня и для себя.

— С Новым годом, — снова сказал я.

Она поставила обе кружки на мой стол и спросила:

— А он будет счастливым?

— Не вижу причин, чтобы ему не быть счастливым, — сказал я.

— Берлинская стена уже наполовину разрушена. По телевизору показывали. Там устроили грандиозный праздник по этому поводу.

— Рад, что у кого-то праздник.

— Там куча народу, огромная толпа. Все поют и танцуют.

— Я не смотрел новости.

— Это произошло шесть часов назад. Разница во времени.

— Они, наверное, еще празднуют.

— У них в руках были кувалды.

— Это не запрещено. Их половина — свободный город. Мы потратили сорок пять лет, чтобы он таковым оставался.

— Скоро у нас не останется врагов.

Я попробовал кофе. Горячий, черный, лучший в мире.

— Мы победили, — сказал я. — Разве это не хорошо?

— Нет, если ты зависишь от чека, который тебе выдает Дядюшка Сэм.

Как и я, она была одета в полевую военную форму, предназначенную для лесистой местности. Рукава были аккуратно закатаны. Нарукавная повязка с буквами «ВП» («Военная полиция») располагалась строго горизонтально. Наверное, сержант закрепила ее булавкой в незаметном месте. Ее ботинки сверкали.

— У вас есть камуфляжная форма для пустыни? — спросил я.

— Я никогда не была в пустыне, — ответила сержант.

— Они изменили рисунок. Теперь на форме большие коричневые кляксы — результат пятилетних исследо-

ваний этого вопроса. Парни из пехоты называют свою форму «шоколадная крошка». Отвратительный рисунок. Его придется снова менять на прежний. Но им потребуется еще пять лет, чтобы это понять.

— И что?

— Если им нужно пять лет, чтобы изменить рисунок камуфляжной формы, ваш малыш закончит колледж прежде, чем они сообразят, что неплохо бы провести в армии сокращение. Так что вам не о чем беспокоиться.

— Хорошо, — сказала она, несколько мне не поверив. — Думаете, он сможет учиться в колледже?

— Я с ним незнаком.

Она ничего не ответила.

— Армия ненавидит перемены, — сказал я. — А враги у нас будут всегда.

Сержант продолжала молчать. В этот момент снова зазвонил телефон, она сняла трубку и ответила за меня. Послушала примерно одиннадцать секунд и протянула мне трубку.

— Полковник Гарбер, сэр, — сказала она. — Из Вашингтона.

Она взяла свою кружку и вышла. Полковник Гарбер являлся моим начальником, и, хотя он хороший человек, я не мог поверить, что он звонит мне через восемь минут после наступления Нового года просто по дружбе. Это не его стиль. Некоторые офицеры любят по большим праздникам изображать из себя эдаких развеселых своих парней. Но у Леона Гарбера даже в мыслях такого нет, он никогда и ни с кем не стал бы вести себя подобным образом, и уж тем более со мной. Даже если бы он знал, что я нахожусь здесь.

— Ричер у телефона, — сказал я.

На другом конце наступило долгое молчание.

- Я думал, ты в Панаме, — наконец заговорил он.
- Я получил приказ, — ответил я.
- Из Панамы в Форт-Бэрд? Почему?
- Я не задаю таких вопросов.
- Когда?
- Два дня назад.
- Удар ниже пояса, ты согласен? — сказал он.
- Разве?
- В Панаме, наверное, было намного веселее.
- Там было неплохо, — подтвердил я.
- И тебя уже поставили дежурить в новогоднюю ночь?
- Я сам вызвался, — сказал я. — Хочу им понравиться.
- Пустое дело, — заметил он.
- Сержант принесла мне кофе.

Он помолчал.

— Тебе звонили по поводу трупы в мотеле?

— Восемь минут назад, — ответил я. — Я отправил их в штаб.

— А они перекинули свое сообщение дальше, в результате меня выгнали из-за стола.

— Почему?

— Потому что военный, о котором идет речь, — генерал с двумя звездами.

Наступила тишина.

— Мне не пришлось в голову спросить, кто он такой, — проговорил я.

Гарбер продолжал молчать.

— Генералы тоже смертные, — заявил я. — Как и все прочие люди.

Никакого ответа.

— Там не было ничего подозрительного, — добавил я. — Он умер, и все. Сердечный приступ. Я не видел причин волноваться.

— Это вопрос чести и достоинства, — сказал Гарбер. — Мы не можем допустить, чтобы генерал с двумя звездами лежал кверху брюхом на публике. Мы обязаны отреагировать. Кто-то должен там присутствовать.

— Иными словами, я?

— Я бы предпочел, чтобы это был кто-нибудь другой. Но скорее всего, ты сейчас единственный в мире трезвый офицер военной полиции. Так что это будешь ты.

— Мне потребуется час, чтобы туда добраться.

— Он никуда не уйдет. Он мертв. Кроме того, им еще не удалось найти трезвого патологоанатома.

— Хорошо, — сказал я.

— Веди себя уважительно, — посоветовал Гарбар.

— Хорошо, — повторил я.

— И вежливо, — добавил он. — За пределами гарнизона мы в их власти. Это гражданская юрисдикция.

— Я знаком с гражданскими, — ответил я. — Встречался как-то раз с одним.

— Но ты должен контролировать ситуацию, — сказал он. — Если ее потребуется контролировать.

— Скорее всего, он умер в своей постели, — сказал я. — Как делают обычные люди.

— Звони мне, если возникнет необходимость, — проговорил он.

— Хорошая была вечеринка?

— Отличная. Моя дочь приехала.

Он повесил трубку, а я позвонил гражданскому диспетчеру и получил адрес и название мотеля. Потом я оставил свой кофе на столе и сообщил сержанту, что происходит, а затем отправился к себе, чтобы переодеться. Я решил, что «присутствовать» означает надеть зеленую форму класса «А», а не камуфляж для передвижения по лесистой местности.

Я взял «Хаммер» в гараже военной полиции и, отменившись на посту у проходной, выехал через главные ворота. Мне удалось найти нужный мотель через пятьдесят минут. Пришлось проехать тридцать миль к северу от Форт-Бэрда по темной, непримечательной местности, где длинные одноэтажные здания с магазинами сменялись чахлыми лесами и пребывающими в зимней спячке полями со сладким картофелем. Все это было мне в новинку, потому что я никогда еще здесь не служил. На дорогах никого не было: все праздновали Новый год. Я надеялся, что мне удастся вернуться в Бэрд до того, как народ начнет разъезжаться по домам. Впрочем, я не сомневался, что гражданским автомобилям далеко до «Хаммера».

Мотель находился среди низких зданий торгового центра, сгрудившихся в темноте около большой шоссе-ной развязки. В центре я заметил стоянку для грузовиков. А еще там имелась дешевая закусочная, которая работала в выходные, и заправочная станция, достаточно большая, чтобы на нее могли заехать восемнадцатиколесные грузовики. И бар, построенный из шлакобетонных блоков, без названия и окон, но зато с яркими неоновыми вывесками. Над ним светилась розовая надпись «Экзотические танцы», а парковка размерами не уступала футбольному полю. Тут и там на ней виднелись радужные бензиновые лужи. Из бара доносилась громкая музыка, вокруг в три ряда стояли припаркованные машины. Все сияло ядовитым желтым светом, который падал от фонарей. Ночь выдалась холодная, и на землю медленно опускался слоистый туман. Мотель располагался на противоположной стороне улицы, напротив заправки. Убогий, потрепанный, вытянувшийся в длину примерно номеров на двадцать. Он казался пустым. В левом конце находи-

лась контора с символическим подъездом для машин и автоматом по продаже кока-колы.

Первый вопрос: что мог делать генерал с двумя звездами в таком месте? Я был совершенно уверен, что Министерство обороны не стало бы устраивать никакого расследования, если бы он остановился в «Холидей-инн».

У предпоследней комнаты были кое-как припаркованы две полицейские патрульные машины. А между ними стоял маленький простой седан. Холодный, покрытый изморозью. Самый обычный «Форд», красный, четырехцилиндровый. С лысой резиной и пластиковыми колпаками на колесах. Наверняка взятый напрокат. Я поставил «Хаммер» рядом с правой патрульной машиной и выбрался на мороз. Музыка, доносившаяся из бара на противоположной стороне улицы, стала громче. Свет в предпоследнем номере не горел, дверь была открыта нараспашку. Я решил, что копы специально выстуживают номер, чтобы наш старикан не созрел слишком рано. Мне ужасно хотелось на него взглянуть. Я еще никогда не видел мертвых генералов.

Три копа остались в машинах, а один вышел ко мне. Он был в темных форменных брюках и кожаной куртке, застегнутой на молнию до самого подбородка. Никакой шляпы. Бляха, прикрепленная к куртке, сообщала, что его зовут Стоктон и он заместитель шефа полиции. Я его не знал, ведь прежде я никогда здесь не служил. Он был седой, лет пятидесяти, среднего роста, немного располневший, но по тому, как он изучал мои нашивки, я понял, что он, скорее всего, раньше служил в армии, как и большинство копов.

— Майор, — сказал он вместо приветствия.

Я кивнул. Точно, служил. У майора на погонах имеются маленькие, размером всего в дюйм, золотые дубовые

листки, по одному с каждой стороны. Стоктон смотрел на меня снизу и сбоку, что не давало возможности хорошенько их разглядеть, но ему было известно, что они собой представляют. Значит, он различал чины. Кроме того, я узнал его голос. Это он звонил мне через пять секунд после полуночи.

— Я Рик Стоктон, — представился он. — Заместитель шефа.

Он был совершенно спокоен. Ему уже доводилось видеть смерть от сердечного приступа.

— Джек Ричер, — сказал я. — Дежурный офицер ВП.

Он тоже узнал мой голос и улыбнулся.

— Вы все-таки решили приехать, — проговорил он.

— А вы мне не сказали, что у вас тут генерал с двумя звездами.

— Ну да.

— Никогда не видел мертвого генерала, — признался ему я.

— Мало кто видел, — сказал он, и по его тону я догадался, что он служил в армии рядовым.

— Армия? — спросил я.

— Морская пехота. Первый сержант.

— Мой старик служил в морской пехоте, — сказал я.

Я всегда это говорю, когда имею дело с морскими пехотинцами, обретая таким образом своего рода законный статус. И тогда они перестают относиться ко мне как к обычному пехотинцу. Но я стараюсь особенно не распространяться и не сообщаю им, что мой отец дослужился до капитана. Рядовые и офицеры не слишком жалуют друг друга.

— «Хамви», — сказал он, глядя на мою машину. — Нравится?